

**Ирина Винтер,
член Союза журналистов Казахстана**

Ностальгия

“Но все так же ночью снится мне деревня...”

Наверное, нет человека, которому было бы незнакомо чувство ностальгии. По родине, по памятным сердцу местам. Известно оно и мне. Долго вынашивала я мечту съездить в Омскую область, где наша семья прожила когда-то несколько лет, а затем переехала в Казахстан. Правда, я почти каждое лето проводила каникулы в милой сердцу деревеньке. Но последние тридцать лет ни разу не смогла съездить туда: учеба, работа, семья. Однако мысль навестить деревню, где живут родные, друзья детства и юности, не оставляла меня никогда. Даже один и тот же сон – как будто я приехала и иду по улицам любимой деревеньки – донимал меня много лет, как болезнь. И вот – поездка состоялась!

По правде сказать, ехала я толком не зная куда. Пока родители были живы, мы поддерживали с омичами связь, и я знала обо всех и обо всем. Но десяток лет назад и эта связь оборвалась, и я знала только, что немцы (а в деревне жили в основном они) и оттуда уезжают в Германию. Остался ли кто-нибудь из старожилов?

На вокзале в Омске, покупая билет в сторону Иссилькуля на электричку, я назвала деревню, кассирша такой не знала. Я испугалась, ведь дело шло к вечеру. Тогда я попросила ее назвать все станции от Омска до Иссилькуля. И снова ничего знакомого. И вдруг я узнала одну, следующая – тоже знакома, а между ними – несколько разъездов. Купила билет на один из них.

В электричке я опросила своих соседей, знает ли кто-нибудь мою деревню. Нет! Я отчаялась. Но в конце концов нашелся человек, который все же подсказал, где мне выйти.

Поезд остановился, за окном лил дождь. А омская земля не наш павлодарский песок, там чуть брызнуло, грязь такая, что утопаешь в ней чуть не по колено, да и липкая она страсть. Добрела до деревни и возле первой же калитки узнала всё о своих родственниках и знакомых. Оказывается, уже почти все уехали, осталось всего несколько семей, но и они на “чемоданах”. Слава Богу, что пока ещё здесь моя двоюродная сестра и подруга, есть у кого остановиться на пару дней.

Сестры не оказалось дома. Пришлепала уже, правда, по асфальту, с подсохшей на босых ногах грязью, к подруге. Она вышла на лай собаки и удивленно уставилась на непрошенную гостью. Когда я назвала себя, она так и ахнула: “А я уже о тебе и думать забыла!”. Мы и плакали, и смеялись. Познакомила она меня со своим мужем и сыном. Выгрузив гостинцы, я помогла ей накрыть на стол. И говорили, говорили. До полуночи. На следующий день я встретилась с двоюродной сестрой и её мужем (их дети уже в Германии). Тоже радости не было конца. Прошлись по деревне, сходили на кладбище, поклонились дорогим могилкам. И опять разговоры. Тридцать лет – есть о чем поговорить.

Я слушала этих дорогих сердцу людей, не знавших в жизни ничего, кроме работы – дома, в поле, на ферме. Те, кому повезло – в конторе. В четыре утра начинается их рабочий день и только в полночь заканчивается. Не бывает нормальных отпусков, отдыха, дальше Омска работа ездить не давала. Правда, в застойные времена они немного разжились, в домах – гарнитуры, телевизоры, холодильники, ковры, а у иных – даже машины во дворе. Помогает подсобное хозяйство, но оно тоже превратило их жизнь в кабалу. «Я вообще не знаю, что такое отдых. Никогда мне не доводилось утром поспать хотя бы до семи часов, ведь в

сарая ждут коровы, свиньи», - рассказывает сестра. Я встречала своих сверстников и удивлялась: они в свои 45-48 лет почти старики. И не удивительно, что целые деревни уезжают, часто бросив половину того, что с таким трудом было нажито. А труда положено немало.

Когда-то здесь были ровные красивые улицы, заборы и дворы у всех одинаковые, дома, обшитые досками и покрашенные в голубые, салатные, лимонные цвета, с резными ставнями. И всюду – зелень, сады. Но к моему большому огорчению, в редких усадьбах сохранились голубые ели и огромные тополя. Их спилили – мешали высоковольтной линии. Вид такой, будто деревенька полысела. Бросилось в глаза, что дворы, сады, огороды поросли травой, не видно, как раньше, цветов. И краска на домах осыпается, исчезает праздничность. Многие дома пустуют, а на заборах надпись: “Продается”.

Сходила с подругой на ферму и там не встретила былого порядка. Зарплата у доярок и скотников невелика: от 180 до 300 тысяч рублей, но и ее не видят. На руки выдают сахар, муку, макароны. Магазин в деревне работает, и, что удивительно, в нем есть все – от колбасы и хлеба, до конфет и бананов. Но продавец жаловалась, что раскупается все это очень плохо: у людей нет денег.

Развлечений в деревне никаких. Молодежь, правда, проводит свободное время в клубе на дискотеках, а вот остальные, от мала до велика, тешатся телевизором. “Для нас жизнь Марии из сериала «Богатые тоже плачут» или любовь Изауры чуть ли не важнее собственной”, - смеется подруга. Отошли на задний план такие фильмы, как «Вечный зов», «Тихий Дон». А ведь когда-то в нашей огромной стране увлеченно читали Чехова, Бунина, Достоевского, соответственно и фильмы смотрели под стать великих писателей. Что поделаешь, всё меняется...

Школы той, старой, нет, снесли, когда построили новую. А какое это было красивое, крепкое здание – купеческая постройка. Очень жаль. На всю деревню четыре административных постройки: школа, контора, клуб, магазин. Людей на улицах мало (не то что в пору моего детства). Дети, которых я встречала, поражали какой-то вялостью и отрешенностью. Одеты плохо, нехватка витаминов отражается на их бледных личиках.

Какое-то уныние и печаль сквозят во всем, как будто сама деревня скорбит по уехавшим, даже хороводы березок вокруг нее навевают грусть, они ведь тоже такие же старые, как она сама.

Промчались эти дни. Уезжаю и больше сюда никогда не приеду – не к кому... “Деревенька моя, деревянная дальняя...”.

1995 г.

Опубликована в "Альгеймайне цайтунг" и "Звезде Прииртышья".